

ОБЗОР ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕК, КАСАЮЩЕЙСЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**Орлов Алексей Игоревич**

магистрант Владимирского Государственного Университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, РФ, г. Владимир

Шумов Петр Владимирович

канд. юрид. наук, доц. кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского Государственного Университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, РФ, г. Владимир

Споры о защите чести, достоинства и деловой репутации берут свое начало из двух правонарушений: из конституционного права на защиту чести и доброго имени, в соответствии со статьей 23 Конституции РФ, и из свободы слова, мысли, права свободно искать, передавать и распространять информацию, выражать собственное мнение, в соответствии со статьей 29 Конституции РФ. Реализация этих прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ приводит к их взаимному противоречию и ограничению. На практике разрешения дел данной категории суды прибегают к использованию двух постулатов, выработанных Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ): «о необходимости разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах, имеющих разный уровень правовой защиты, и о пределах допустимой критики публичной фигуры» [1]. ЕСПЧ отмечает важность разграничения данных категорий, согласно позиции ЕСПЧ: «в то время как факты могут быть доказаны, правдивость оценочного суждения не поддается доказыванию» [1]. Требование о доказывании правдивости оценочного суждения – неисполнимо и ограничивает право на свободу мнения. Правовая позиция ЕСПЧ была взята за основу и адаптирована к законодательству РФ после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ (от 24.02.2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»). Теперь в соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ судам необходимо различать утверждения о фактах, соответствие действительности которых возможно проверить, и оценочные суждения, которые не могут являться предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ. Оценочные суждения в данном случае являются выражением субъективного взгляда и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. По делу К. к Н. о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также компенсации морального вреда, Кировский районный суд г. Томска руководствовался вышеприведенным указанием Верховного Суда РФ и признал фразы Н., использованные им во время публичного выступления, оценочным суждением, что в итоге послужило отказом в удовлетворении иска К. Апелляционная коллегия Томского областного суда отменила данное решение в свою очередь как противоречащее решению собранным по делу доказательствам. Полагаясь на результаты судебно-лингвистической экспертизы, судебная коллегия по гражданским делам Областного суда г. Томска при апелляционном рассмотрении дела пришли к выводу, что фразы, использованные Н. во время публичного выступления не носят оценочного характера и личного мнения, а содержат прямолинейные утверждения о причастности К. к противоправным действиям в связи со строительством дорог. Также данные высказывания не исключают возможность проверки их на предмет достоверности, поэтому они являются предметом защиты в порядке статьи 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации, а также дают возможность К. требовать выплаты компенсации морального вреда.

Но имеют место быть и случаи, когда мнение и критика, высказанная в адрес публичного

лица, признается оправданной и не влечет применения правовых средств защиты. Ярким примером является Постановление ЕСПЧ от 21.07.2005 г. по делу «Гинберг против Российской Федерации», где ЕСПЧ указал, что свобода выражения мнений представляет собой один из основных принципов демократии в обществе, а также является основополагающим условием развития данного общества и реализации возможностей каждого из людей. Руководствуясь пунктом 2 статьи 10 Конвенции свобода выражения мнения распространяется на информацию и мнения, которые воспринимаются положительно, а также на оскорбительные, шокирующие и причиняющие беспокойство сведения. Можно также руководствоваться плюрализмом мнений, терпимости и либерализма, тем, без чего не может существовать демократическое общество. В рамках применения пункта 2 статьи 10 Конвенции существует совсем небольшая значимая возможность применения ограничений на политические выступления и дебаты по вопросам общественного интереса. Границы допустимой критики в отношении того же государственного служащего, осуществляющего свои властные полномочия, могут быть несколько шире, чем пределы критики в отношении любого частного лица. Это объясняется тем, что государственный служащий неизбежно и сознательно открывает себя для «тщательного изучения»: наблюдение за каждым сказанным словом, каждым сделанным действием со стороны журналистов и большей части широких масс общества, а следовательно он должен, именно должен, проявлять большую степень терпимости к данным фактам наблюдения. Конечно поспорить с тем, что любой политический деятель имеет право на защиту собственной репутации, нельзя, даже в тех случаях, когда он действует в своих меркантильных целях, «однако интересы защиты деловой репутации публичных лиц должны ставиться в сравнение с интересами открытой дискуссии по политическим вопросам» [6].

Существует двойственность в позиции Европейского суда по правам человека: с одной стороны он оправдывает публичную критику в отношении общественных и политических деятелей, с другой стороны отмечал необходимость защиты государственных служащих от высказываний, содержащих обидные, оскорбительные фразы и клевету, которые в свою очередь могут оказать прямое влияние на выполнение обязанностей в лице государственного служащего и подорвать существующее доверие со стороны общества. «Правильность разрешения вопросов защиты чести, достоинства и деловой репутации – это умение суда верно определять правовую природу распространенной информации» [4]. Дело «Федченко против Российской Федерации»: ЕСПЧ выразил мнение о том, что критика имеет место быть и является допустимой, когда заявитель использовал конкретные обороты и фразы, разговорные выражения и сленговые слова, но не вышел за рамки степени преувеличения или провокации, которые регламентируются статьей 10 Конвенции, что не позволило установить ограничений права на свободу выражения мнения. Это значит, что критика, высказанная в определенной формулировке и возможно не достаточно понятная формулировка слов, недостаточно четкое и конкретное утверждение, которое не позволяет затронуть право на защиту деловой репутации, это есть право на свободу выражения мнения, что главным образом дает противоречие праву на защиту деловой репутации. И вновь происходит ограничение одного права другим, чего не должно быть в принципе. Так например апелляционная инстанция Томского областного суда установила, что фразы, высказанные репортером М. в адрес представителя партии «Яблоко» – Е. во время телевизионной передачи, носят оскорбительный характер, хотя ранее гражданин Е. обращался в районный суд г. Томска с иском к М. и ЗАО «Телерадиокомпания Эфир», и районный суд установил тоже факт наличия в высказываниях оскорбительного характера. Апелляционная инстанция в свою очередь ссылается на вывод ЕСПЧ, изложенный в Постановлении от 16.12.2010 (Жалоба №24061/04). Суть данного вывода в том, что если какая-либо форма выражения личного мнения носит оскорбительный характер, а также оскорбления является единственной целью этого выражения, и данная оценка не служит интересам дискуссии по вопросу правомерного общественного интереса, то лицо, высказавшее данные сведения привлекается к гражданской ответственности, что является правомерным. Данная позиция подтверждается положениями Постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Пункт 9 данного Постановления гласит, что если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, носит унижающий характер чести, достоинства и деловой репутации, то на высказавшего данное мнение налагается обязанность компенсации морального вреда тому, в чей адрес данное мнение было высказано. Итак, «правильность разрешения вопросов защиты чести,

достоинства и деловой репутации – это умение суда верно определять правовую природу распространенной информации» [4], проще говоря, если суд умеет разграничивать утверждение о фактах и оценочное мнение, которое не является предметом судебной защиты в соответствии со статьей 152 ГК РФ, а также определять имеет ли оценочное суждение оскорбительный характер, то правильность разрешения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации на достаточно высоком уровне и спорных вопросов возникать не может.

По категории дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судами общей юрисдикции применяются правовые позиции и мнения ЕСПЧ, большей частью при изложении мотивировочной части решения по тому или иному делу, так как они не противоречат основополагающим нормам в дополнение к ним. В настоящее время суды в своей практике прибегают к принципам и стандартам международного права, лишь если они восприняты российским законодательством, в котором существует необходимость достаточно полной правовой регламентации процесса рассмотрения данной категории дел.

Список литературы:

1. Школяр Л.Г. Обзор позиции Европейского суда по правам человека по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Судья. – 2014. – №4.
2. Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // КонсультантПлюс. – 2017.
3. Грасмик Л. Споры о деловой репутации юридических и физических лиц // Административное право. – 2015. – №1.
4. Поликарпов М.В. Некоторые пробелы гражданского законодательства, регулирующего охрану чести, достоинства и деловой репутации // Современное право. – 2015. – №11.
5. Глазкова М.Е. Проблемы судебного истолкования предмета доказывания и фактического применения правовых позиций ВС РФ и ЕСПЧ при рассмотрении дел о защите деловой репутации // КОНТРАКТ. – 2015.
6. Савостьянова О.Н. Особенности рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации политических деятелей, а также государственных должностных лиц (проблемы дел о диффамации) // Российский судья. – 2014. – №5.